

УДК 316. 77. 070

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-299-305

Риторические приемы деконструкции образа героя в современной журналистике. Эпоха метамодернизма

Ю. В. Шатин

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В рамках культурной парадигмы метамодернизма рассмотрен вопрос о способах деконструкции образа главного героя в текстах журналистики XXI в. Основываясь на трудах ведущих теоретиков метамодерна Р. Аккера и Т. Вермулена, автор статьи делает основной акцент на приеме постиронии, которая благодаря осцилляции (колебаниям смысла) стирает грань между традиционной иронией и серьезностью. В качестве универсального культурного явления постирония как средство деконструкции проникла в разные виды искусства и охватила определенный сектор современного медиапространства. На примерах двух жанров современной журналистики – газетного некролога и интервью – выделяются основные риторические приемы деконструкции, в основе которых и лежит постирония.

Ключевые слова

метамодернизм, неориторика, медиапространство, постирония

Для цитирования

Шатин Ю. В. Риторические приемы деконструкции образа героя в современной журналистике. Эпоха метамодернизма // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика. С. 299–305. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-299-305

Rhetorical Methods of Reconstructing the Image of the Hero in Modern Journalism. The Era of Metamodernism

Yu. V. Shatin

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article studies the methods of deconstructing the image of the hero in journalistic texts of the 21st century from the metamodernism perspective. Based on the works of the main theorists of metamodernism R. Akker and T. Vermeulen, the author of the article focuses on the reception of post-irony, which due to the oscillation (fluctuation of sense) blurs the line between irony and seriousness. Being a universal culture phenomenon, post-irony as means of deconstruction has penetrated various types of art and has dominated certain sectors of the modern media space. Based on the exam-

© Ю. В. Шатин, 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 6: Journalism

ples of two genres of modern journalism – newspaper obituary and interview – the author identifies the main rhetorical devices of deconstruction, which mainly rely on post-irony.

Keywords

metamodernism, new rhetoric, post-irony, media space

For citation

Shatin Yu. V. Rhetorical Methods of Reconstructing the Image of the Hero in Modern Journalism. The Era of Metamodernism. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 6: Journalism, p. 299–305. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-299-305

Введение

В последнее десятилетие многие исследователи отмечают существенный сдвиг культурной парадигмы, характеризующийся отказом от постмодернизма и переходом к новому состоянию дискурса, условно обозначаемому как метамодернизм. Как известно, эпицентр интереса к постмодернизму отчетливо проявился в середине 1970-х гг. благодаря работам Ю. Кристевой о проблемах интертекстуальности, очерку Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Ризома», а также статье американского филолога М. Заварзаде «Апокалиптический факт и сумерки вымысла в современных американских прозаических нарративах». Как раз в последнем исследовании были четко обозначены параметры, свойственные постмодернизму и отличающие его от объяснительных принципов классического модерна, – «определенные тропы, черный юмор, пародия, метапроза, отказ от глубинных моделей» [Zavarzadeh, 1975. P. 69].

Пришедший на смену постмодернизму метамодернизм XXI в. отказался от приемов, обозначенных Заварзаде, избрав в качестве основного принципа «колебания (осцилляцию) между иронией постмодерна и искренностью модерна» [Павлов, 2020. С. 15]. Как справедливо полагает известный музыковед и композитор Н. Хрущёва, «метамодерная осцилляция означает колебания между прямым высказыванием и его ироничным прочтением, происходящим непрерывно. Поэтому одним из определяющих свойств метамодерна становится “постирония” как особый вид иронии, пришедший на смену иронии постмодернизма. Постирония представляет собой иронию, запрятанную глубоко внутри высказывания и находящуюся в нем одновременно с прямым высказыванием. В результате высказывание становится как бы снова прямым дважды перевернутым» [Хрущёва, 2020. С. 152].

Легко предположить, что такая осцилляция, свойственная в основном нарративам художественной прозы, не могла не распространиться и на другие типы развертывания сюжета, в том числе и на дискурсы, формирующие лицо современной журналистики. В этом плане трудно переоценить значение, которое оказала на современную журналистику неориторика, прежде всего труды Х. Перельмана. «Современная риторика и формируемая внутри нее частная медиариторика, вобрав в себя терминологию новейших лингвистических дисциплин, не разорвав связей с традиционной риторикой, продолжая традиции риторического подхода в гуманитарной науке, вписывается в целостный научно-гуманитарный контекст как часть и одновременно создает собственную систему понятий как единое целое» [Анненкова, 2012. С. 5]. Именно неориторический подход, декларируемый в настоящей статье, позволяет, на наш взгляд, более глубоко понять систему приемов при создании образа героя в том виде, каком она складывается в таком новом культурном феномене, как метамодернизм.

Основная часть

В основе журналистского дискурса, свойственного как постмодернизму, так и метамодернизму, лежит общий принцип – деконструкция образа героя, ведущая в итоге к его дегероизации, поскольку «ирония как веха деконструкции является переходом от единомыслия структуры к плюралистическому производству значений, артефактов, объектов и симулякров. В столкновении телесного акта и языкового выражения на фоне критической рефлексии происходит дарование смысла, изобретение уникального и невозможного» [Пигулевский, Мирская, 2004. С. 80]. Однако риторика такой дегероизации существенно отличает одно на-

правление от другого. Базовый сценарий деконструкции в эпоху постмодернизма, как известно, предполагал игру тропами и риторическими фигурами, к которым относились: «антифразис, высказывание, противоречащее здравому смыслу, нетривиальная лексическая сочетаемость, абсурдная ирония, гипербола, метафора, литота, игра слов, окказионализмы и морфологическая неологизация словоформ» [Ильинова, 2015. С. 189]. Кроме того, сама ирония там обладала четко выраженной перформативной функцией, когда она «утешает, обещает, прощает. Ирония позволяет реализовывать все виды перформативной функции языка, выпадающие из сферы тропологии, но при этом тесно связанные с ней» [Комарницкая, 2015. С. 118].

При переходе от постмодернизма к эпохе метамодернизма кардинально меняется статус самой иронии. Современные исследователи всё чаще говорят о переходе иронии в новое состояние, обозначаемое термином «постирония». Так, Ли Константину определяет различие двух понятий, описывая «иронию как этос, некую установку, которая трактует мир и язык через едкую практику симптоматического, скептического или параноидального чтения. Перед лицом культуры постмодерна трансцендентные ограничения иронии становятся неотложным творческим, философским проектом. Этот проект я называю постиронией. Сторонники постиронии не ратуют за банальный возврат к искренности – потому что не выступают с позиций антииронии, – а скорее хотят сохранить постмодернистские критические озарения (в различных сферах), при этом преодолев их тревожные измерения» [Константину, 2020. С. 223].

В отличие от иронии постмодернизма, рассчитанной на локальный, сиюминутный эстетический и/или агональный эффект, постирония в метамодернизме благодаря осцилляции охватывает текст целиком. При этом она характеризуется скорее «колебаниями, а не синтезом, гармонией, примирением и т. д. Эти колебания можно назвать условным обозначением доминирующей модели, в рамках которой различные ощущения поворота находят свое выражение в сегодняшних репрезентациях искусства, культурно опосредованных и политических дискурсов» [Аккер, Вермюлен, 2020. С. 51].

Оставляя за рамками данной статьи многочисленные примеры метамодернизма на материале искусства, сосредоточимся на особенностях репрезентации журналистского дискурса в отечественной журналистике последнего десятилетия. В этой связи рассмотрим риторические приемы деконструкции образа главного героя в двух текстах метамодернизма, созданных в разных жанрах, но объединенных общим принципом постиронии.

Один текст по внешним параметрам полностью соответствует жанру газетного некролога. Поводом к его написанию стала кончина в августе 2009 г. на 97 году жизни поэта, драматурга и общественного деятеля Сергея Михалкова. 28 августа газета «Коммерсантъ» опубликовала материал Григория Ревзина «Дворянин союзного значения». В противоположность внешним жанровым признакам в тексте легко обнаруживаются признаки существенной деконструкции глубинных основ некролога.

Как известно, некролог по своей природе – парадоксальное дискурсивное и нарративное образование, существующее на пересечении жизни и смерти, где жизнь выступает ядром текста, его ремой, а смерть – всего лишь тема, повод к написанию. По справедливому замечанию исследователей, «98 % информации некролога – про жизнь. В нем только два предложения о том, где и в каком возрасте человек умер. А весь основной текст – это трактовка жизни этого человека» [Пальчук, Маклакова, 2016. С. 165]. Совершенно естественно, что в основе некролога лежит отбор и комбинация наиболее значимых событий, связанных с деятельностью умершего. Рема некролога как жанра принципиально событийна. Выпадение героя некролога из событийного ряда нарушает жанровую конвенцию и осознается как минус-прием, что можно наблюдать, например, в рассказе В. Набокова «Василий Шишков» или во «Встречах с Лиз» Л. Добычина, в которых умершие герои выступают людьми без свойств.

Наряду с событийностью важным оказывается коммуникативный принцип некролога, вытекающий из известного латинского выражения «*de mortuis aut bene aut nihil*». Невозмож-

ность в некрологе черного юмора и всепоглощающей иронии практически вывел этот жанр за орбиту постмодернистской журналистики. Может быть, поэтому в эпоху постмодерна последних десятилетий XX в. этот жанр покинул газетные полосы. Описывая медийные стратегии постмодернизма, А. И. Рейтблат заметил: «... что касается ценностей, то все они высмеиваются. Достаточно открыть любую газету, чтобы встретить юмористические заголовки даже в отношении вещей весьма серьезных – катастроф, убийств, военных действий и т. п. Подобный стёб состоит в провокационном и агрессивном, на грани скандала, снижений в несвойственном им пародийном или пародическом контексте. В подобный контекст серьезный по своей исходной направленности некролог не вписывается» [Рейтблат, 2014. С. 352–353].

Действительно, некролог благодаря основным этическим интенциям вытесняется из парадигмы жанров постмодернизма, вытесняется, чтобы вновь войти в систему метамодернистских образований. Статья Г. Ревзина [2009] – яркий образец трансформации иронии в постиронию. Демонстративно отказываясь от перформативной функции постмодерна, она возвращает изложение в традиционную манеру информативного дискурса. «Вчера в московской клинике на 97 году жизни умер Сергей Михалков. “Он умер от старости, просто заснул”, – сказал его внук Егор Кончаловский». Или другой пример: «Еще он отец двух неординарных сыновей, и отношение к ним под конец его жизни стало распространяться и на него».

Однако за внешним слоем объективного повествования легко обнаружить иную логику и иную риторику, снимающие торжественный глянец с лица умершего и деконструирующие основного героя. «Он автор трех текстов гимна СССР – России (1943, 1977, 2001), и это большое, но странное достижение. Трижды переписанный гимн отчасти потерял слова вообще – их никто не знает, и особым уважением они не пользуются, что вообще-то редко бывает с государственными гимнами».

Наряду с отказом от перформативной функции в некрологе легко обнаружить отказ от тропов. Вместо их использования мы наблюдаем замену риторическими фигурами, главными из которых являются антитеза и аналогия. Так, обратившись к жанру басни в творчестве Михалкова, журналист «Коммерсанта» использует прием двойного отрицания – в итоге получается отрицание отрицания (хорошо знакомый принцип диалектической логики). «Он явно жил с искренним ощущением большой и значительной жизни, которую проживает, большого дела, которое выполнил. И это было непонятно. Ну что за долг, что за дело, что за заслуги перед отечеством? Ну неужто басни про Осла, Льва, Кота, в лице которых он высмеивал то российских бюрократов, то лидеров иностранных государств в периоды, когда ЦК желал над ними посмеяться? Нет, все-таки самое цепляющее в нем – это как раз басни. Это столь экзотичные тексты, что даже интересно. Это очень редкий жанр в литературе. Тут прямой путь от дедушки Крылова – и сразу к нему».

Диалектическое сплетение антитез, взаимно отрицающих друг друга, усиливается аналогией недавней нашей современности с XVIII в. «Он представлял какую-то архаическую линию русской жизни, прямо из XVIII века. Трудно представить себе современный контекст, в котором он смотрелся бы так естественно и вот так по-особому достойно, но среди русских вельмож XVIII века – от Анны Иоанновны до Павла I – пожалуй, что да. Где надо шутом, где надо дипломатом, где надо – предаст, где надо – осудит, где можно – защитит; иногда может несущественно пострадать, чаще по долгу службы заставляет страдать других. Вообще, всё, чего изволите, и при этом с искренним уважением к каждому следующему государю и любовью к государству, позволяющему с воодушевлением переписывать гимн под каждую очередную нужду. Некролог ему следовало бы писать стихами, что-нибудь в стиле Третьяковского “На смерть вельможи”».

Это постоянное колебание между искренностью и дегероизацией и создает то двойственное мерцание деконструированного образа, без которого метамодернизм вряд ли мог осуществиться. «XX век в России так сложился, что в области чести и достоинства приходилось опускаться до первобытного состояния. Сергей Михалков остановился на грани XVIII века. В этом смысле – несомненное достижение. Стоит и басен, и гимнов».

В отличие от некролога Г. Ревзина, прошедшего почти незаметно и не вызвавшего интереса исследователей, материалы другого автора, взятого нами как пример метамодернистского дискурса, имеют большую читательскую аудиторию и не раз становились предметом изучения теоретиков и историков журналистики. Речь идет о регулярных репортажах Андрея Колесникова на страницах «Коммерсанта», посвященных знаковой персоне Президента Российской Федерации. Одна из его последних публикаций «Путин и труд всё перетрут» с характерным подзаголовком «Как и зачем президент вернулся на свежий воздух» посвящена торжественному вручению знаков отличия Героям Труда на Поклонной горе [Колесников, 2020].

Как и в большинстве публикаций, в основе данного материала реализуется принцип разрушения стереотипа посредством дискурса. По точному определению О. С. Иссерс, «публикации А. Колесникова, написанные им в период пребывания в “кремлевском пуле”, явились мощным толчком, разрушающим стереотипы одного из канонических жанров отечественной журналистики» [Иссерс, 2012. С. 34].

Обратившись к репортажу, посвященному указанному событию, журналист мастерски создает баланс вполне искреннего рассказа и вплетенного в него иронического «фокуса», который и становится ключом к небуквальному прочтению текста. «Мероприятие на Поклонной горе было первым за длительный период историческим событием, в котором Владимир Путин участвовал как в мирное, то есть доэпидемическое время: то есть легко сходил с людьми, жал им руки, да и обнимал тоже».

Постиронический эффект данной фразы создается за счет интертекстуальных обертонов, обращенных к стереотипам нашего восприятия и одновременно деконструирующих их. «Историческое событие» – прежде всего, конечно, ирония, но не только. Налагаясь на другой стереотип – «мирное доэпидемическое время» (скрытое сравнение с войной), автор вполне искренне сообщает – «легко сходил с людьми», но затем усиливает стереотипное изречение в духе *reductio ad absurdum* – не только жал руки, «да и обнимал тоже».

Продолжая репортаж, А. Колесников и дальше реализует тактику доведения торжественного нарратива до абсурда, благодаря чему и обнаруживается деконструкция образа главного героя. «Владимир Путин был в этот день похож, не скрою, на небо (даже, может, на небожителя), то есть демонстрировал безоблачное настроение». Здесь мы наблюдаем типичный ход, свойственный журналисту. «Андрей Колесников, совмещая роли репортера-наблюдателя, комментатора и эссеиста, создает новый вид текста, где репортерский взгляд на событие неразрывно связан с саморефлексией и эстетическими принципами письма [Выровцева, 2017. С. 16]. Вводные слова «не скрою», «может» усиливают момент авторского присутствия в тексте, указывая на двоюродное родство журналистского текста с текстом художественным.

Избегая употребления тропов в их традиционной функции, А. Колесников часто прибегает к материализации, овеществлению стертой метафоры. Комментируя высказывание одного из Героев Труда о получении награды из рук президента (в ситуации пандемии), журналист добавляет: «В этой ситуации слово “из рук” приобретало особую физическую ценность. Просто в анамнез можно записывать».

Последняя фраза становится аккордом журналистского и эстетического целого, возвращая нас к заголовку. Здесь уже искренний пафос и не менее искренняя ирония становятся практически неразличимыми. «Остается сказать, что после церемонии Владимир Путин и Леонид Рошаль еще некоторое время беседовали, а то и перетирали друг с другом, уже с бокалами шампанского в руках».

Заключение

Таким образом, рассмотрение двух примеров позволяет с большой долей вероятности констатировать, что во втором десятилетии нынешнего столетия дискурс начал вступать или уже вступил в новое измерение. Стандарты, постулированные в середине 1970-х гг. и обозначившие эру постмодернизма, выполнили свою историческую роль, уступив место другой

эпохе – метамодернизму, который и вызвал к жизни новые энергетические потенции языка, его новую логику и риторику.

Список литературы

- Аккер Р., Вермюлен Т.** Переодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // *Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодерна*. М., 2020. С. 39–82.
- Анненкова И. В.** Место риторики в зарубежной и отечественной филологии // *Филология: научные исследования*. 2012. № 2 (06). С. 5–24.
- Выровцева Е. В.** Роль эссеизации в формировании авторского жанра публициста Андрея Колесникова // *Вестник Челяб. гос. ун-та. Филологические науки*. 2017. № 11 (407), вып. 109. С. 12–20.
- Ильинова Е. Ю.** Риторические особенности дискурса иронической языковой личности // *Вестник МГЛУ*. 2015. Вып. 19 (730). С. 181–189.
- Иссерс О. С.** «Кремлевский репортаж»: старый жанр в новой рамке // *Политическая лингвистика*. 2012. № 3 (410). С. 27–35.
- Колесников А.** Путин и труд всё перетрут // *Коммерсантъ*. 2020. 12 июня.
- Комарницкая Л.** Ирония как риторическая категория // *Міст: історія, сучасність, теорія*. Харків, 2015. Вип. 11. С. 113–121.
- Константину Л.** Четыре лика постиронии // *Метамодернизм... М., 2020*. С. 221–256.
- Павлов А.** *Метамодернизм: критическое введение* // *Метамодернизм... М., 2020*. С. 7–32.
- Пальчук С. Т., Маклакова Т. Б.** Коммуникативно-прагматическая модель речевого жанра «некролог» // *Проблемы массовой коммуникации: Новые подходы*. Казань, 2016. С. 165–177.
- Пигулевский В. О., Мирская Л. А.** Ирония как веха деконструкции // *Симпозиум. Studia Humanitas*. 2004. № 1. С. 76–82.
- Ревзин Г.** Дворянин союзного значения // *Коммерсантъ*. 2009. 28 авг.
- Рейтблат А. И.** Некролог как биографический жанр // *Рейтблат А. И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы*. М., 2014. С. 343–353.
- Хрущёва Н. А.** Метамодернизм и другие концепции культуры после постмодерна в контексте музыковедения // *Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой*. 2020. № 5. С. 146–156.
- Zavazadeh M.** The Apocalyptic Fact and the Eclipse of Fiction in Recent American Prose Narratives. *Journal of American Studies*, 1975, no. 9 (1), p. 69–83.

References

- Akker R., Vermeulen T.** Periodiziruya 2000-e, ili Poyavlenie metamodernizma [Periodizing the 2000s, or the Emergence of Metamodernism]. In: *Metamodernizm. Istorichost', affect i glubina posle postmoderna* [Metamodernism. Historical Actuality, Affect and Depth after Postmodernism]. Moscow, 2020, 494 p. (in Russ.)
- Annenkova I. V.** Mesto ritoriki v zarubezhnoi i otechestvennoi filologii [The Place of Rhetoric in Foreign and Domestic Philology]. *Philology: Scientific Researches*, 2012, no. 2 (06), p. 5–24. (in Russ.)
- Ilnova E. Yu.** Ritoricheskie osobennosti diskursa ironicheskoi yazykovoi lichnosti [On Rhetorical Aspect of Ironic Language Personality in Discourse]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2015, no. 19 (730), p. 181–189. (in Russ.)
- Issers O. S.** “Kremlevskii reportazh”: staryi zhanr v novoi ramke [“Kremlin reportage”: Old Genre in a New Frame]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2012, no. 3 (410), p. 27–35. (in Russ.)
- Khrushcheva N. A.** Metamodernizm i drugie kontseptsii kultury posle postmogerna v kontekste muzykovedeniya [Metamodernism and Other Concepts of Culture after Postmodern in the

- Context of Musicology]. *Bulletin of the Vaganova Ballet Academy*, 2020, no. 5, p. 146–156. (in Russ.)
- Kolesnikov L.** Putin i trud vse peretrut [Putin and Hard Work Beat Everything]. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4378224> (accessed 12.06.2020). (in Russ.)
- Komarnitskaya L.** Ironiya kak ritortcheskaya katejoriya [Irony as Rhetorical Category]. In: *Mist: istoria, suchastnost', teoriya* [City: history, participation, theory]. Kharkiv, 2015, no. 11, p. 113–121. (in Russ.)
- Konstantinu L.** Cetyre lika postironii [Four Faces of Postirony]. In: *Metamodernism...* Moscow, 2020, p. 221–256. (in Russ.)
- Pavlov A.** Metamodernizm: kriticheskoe vvedenie [Metamodernism: Critical Introduction]. In: *Metamodernizm...* Moscow, 2020, p. 7–32. (in Russ.)
- Palchuk S. T., Maklakova T. B.** Kommunikativno-pragmaticheskaya model' rechevogo zhanra "nekrolog" [Communicative and pragmatic model of speech genre "obituary"]. In: *Problemy massovoj kommunikatsii: novye podkhody* [Issues of Mass Communication: New Approaches]. Kazan, 2016, p. 165–177.
- Pigulevskiy V. O., Mirskaya L. A.** Ironiya kak vеха dekonstruktsii [Ironia as Landmark of Deconstruction]. *Simposium. Studia humanitas*, 2004, no. 1, p. 76–82.
- Revzin G.** Dvoryanin soyuznogo znacheniya [The Nobleman of the All Soviet Union's Significance]. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1227103> (accessed 28.08.2009). (in Russ.)
- Reiblat A. I.** Nekrolog kak biograficheskii zhanr [Obituary as Biographical Genre]. In: *Reiblat A. I. Pisat' poperek: Stat'i po biografii, sotsiologii i istorii literatury* [Writing Across: Articles on Biography, Sociology, and Literary History]. Moscow, 2014, p. 343–353. (in Russ.)
- Vyrovitseva E. V.** Rol' essaizatsii v formirovanii avtorskogo zhanra publitsista Andrey Kolesnikova [The Role of Essayization in the Formation of the Author's Genre of Publicist Andrey Kolesnikov] // *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology, Chelyabinsk*, 2017, no. 11 (407), iss. 109, p. 12–20. (in Russ.)
- Zavarzadeh M.** The Apocalyptic Fact and the Eclipse of Fiction in Recent American Prose Narratives. *Journal of American Studies*, 1975, no. 9 (1), p. 69–83.

Материал поступил в редколлегию

Received
10.02.2021

Сведения об авторе

Шатин Юрий Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории журналистики Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия); профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия); главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
shatin08@rambler.ru

Information about the Author

Yury V. Shatin, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Theory and History of Journalism, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Professor at the Department of Russian Literature and Literary Theory, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation); Chief Researcher at the Section of Literary Studies, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
shatin08@rambler.ru